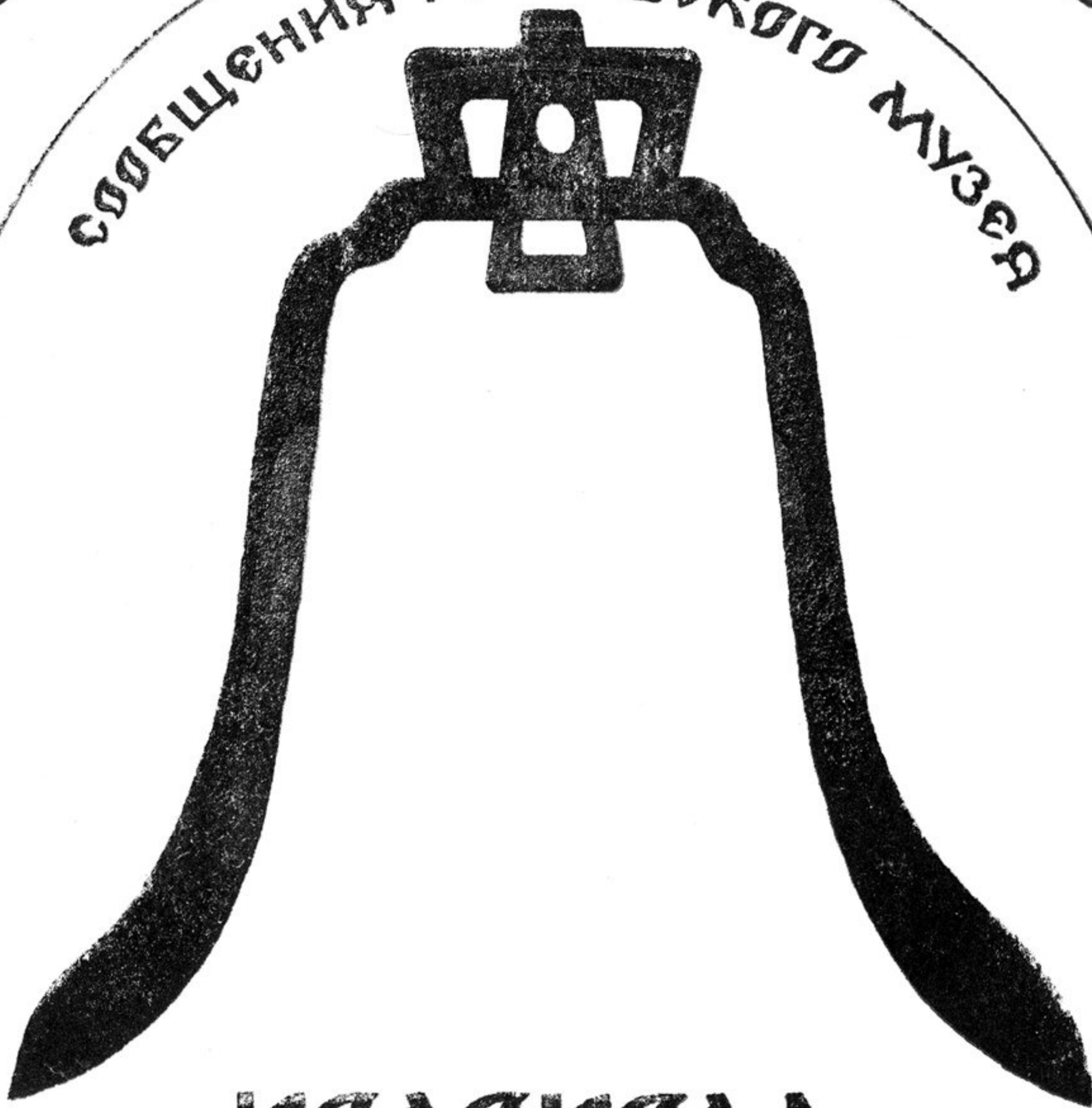

СООБЩЕНИЯ РОСТОВСКОГО МУЗЕЯ

КОЛОКОЛА
И КОЛОКОЛЬНИ
РОСТОВА ВЕЛИКОГО

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК
«РОСТОВСКИЙ КРЕМЛЬ»

Сообщения
Ростовского музея

ВЫПУСК VII

КОЛОКОЛА И КОЛОКОЛЬНИ
РОСТОВА ВЕЛИКОГО

Ярославль
ФГИ «СОДЕЙСТВИЕ»
1995

ББК 78.381
С 63

Сообщения Рюетовского музея: Выпуск VII. Колокола и колокольни Ростова Великого. — Ярославль: Фонд гражданских инициатив «Содействие», 1995. — 248 с.

Редактор-составитель А. Г. Мельник.

С $\frac{4400070000-009}{M 798 (03)-95}$ без объявл.

© Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль», 1995.

ISBN 5-85975-037-4

КОЛОКОЛА

«КОЛОКОЛЬНЯ С НОТНЫМ ЗВОНОМ»

А. Б. Никаноров

В литературе и некоторых рукописных материалах XIX в., касающихся Ростова, изредка встречаются сведения о том, что в прошлом колокольные звоны здесь производились по особым нотам. Самое раннее из них имеется в воспоминаниях крестьянина Н. Н. Шипова, события которых относятся к 1816 г., когда он был на колокольне и слушал «звон по нотам»¹. Об этом же позднее писал и известный историк М. Толстой. В книге, посвященной Ростовским святыням, первое издание которой вышло в 1847 г., он сообщал: «Звон производится по особым нотам, нарочно для сего сочиненным на три различные настроя. Названия этих настроев: Ионинский, Акимовский и Дашковский или Егорьевский, напоминают Митрополита Иону Сисоевича, Архиепископа Иоакима и Епископа Георгия Дашкова»². Во втором издании (1860 г.) этот фрагмент изложен немного иначе: «Звон производится на три различные настроя по особым нотам, которые в старину были писаныя, но впоследствии затеряны, и с того времени передаются звонарями друг другу со слуху. Названия этих настроев: Ионинский, Акимовский и Дашковский или Егорьевский...»³. Наконец, третье издание (1866 г.) дает совершенно новый вариант: «... звуки или тоны колоколов располагаются по трем различным настроям, для чего сочинены были особые ноты, которые впоследствии затеряны и с того времени передаются звонарями друг другу со слуху»⁴.

Таким образом, если в воспоминаниях Шипова и первом издании книги Толстого ясно лишь, что в ростовских звонах был строго определен порядок колокольной игры, то в последующих изданиях речь идет о каком-то специальном музыкальном тексте. Последний либо воспроизводится на колоколах, либо служил прообразом для традиционных колокольных композиций. В существовании текста «нотного звона» Ростова Великого был убежден и знаток русского искусства В. В. Стасов, который запрашивал его через Русское архео-

логическое общество. В протоколе одного из заседаний РАО записано:

«... В. В. Стасов, зная, что на колокольне Ростовского Успенского собора производят звон по нотам на три настроя: 1) Ионинский; 2) Акимовский и 3) Дашковский, желал получить эти ноты, а также указания времени их происхождения. Об этом было написано в 1861 году в Ростов г. Хлебникову, который отвечал, что положить на ноты наши Ростовские звоны без хорошего музыканта нельзя. Впрочем, по времени может быть случайно и появится такой в Ростове, — тогда не упущу. Мне и для себя желается их иметь. Из прежних уже несколько небольших колоколов разбились, их заменили другими, хотя и старыми, оставшимися после существования в Ростове часов, — но с тонами едва ли такими, как были у разбитых»⁵. Из ответа ясно, что о существовании в прошлом нотной записи звонов корреспонденту В. В. Стасова П. В. Хлебникову не было известно.

В последующие годы отдельные авторы, писавшие о Ростове, как, например, А. А. Титов, все же изредка упоминали предание о существовавших для звона нотах⁶. Однако после издания в 1884 г. брошюры А. А. Израилева сделанные им записи звонов были признаны первой и единственной до этого времени попыткой фиксации звучания русских колоколов. Даже В. В. Стасов в предисловии к этому труду, написанном им по инициативе М. А. Балакирева, ничего не упомянул о «нотных звонах» прошлого⁷.

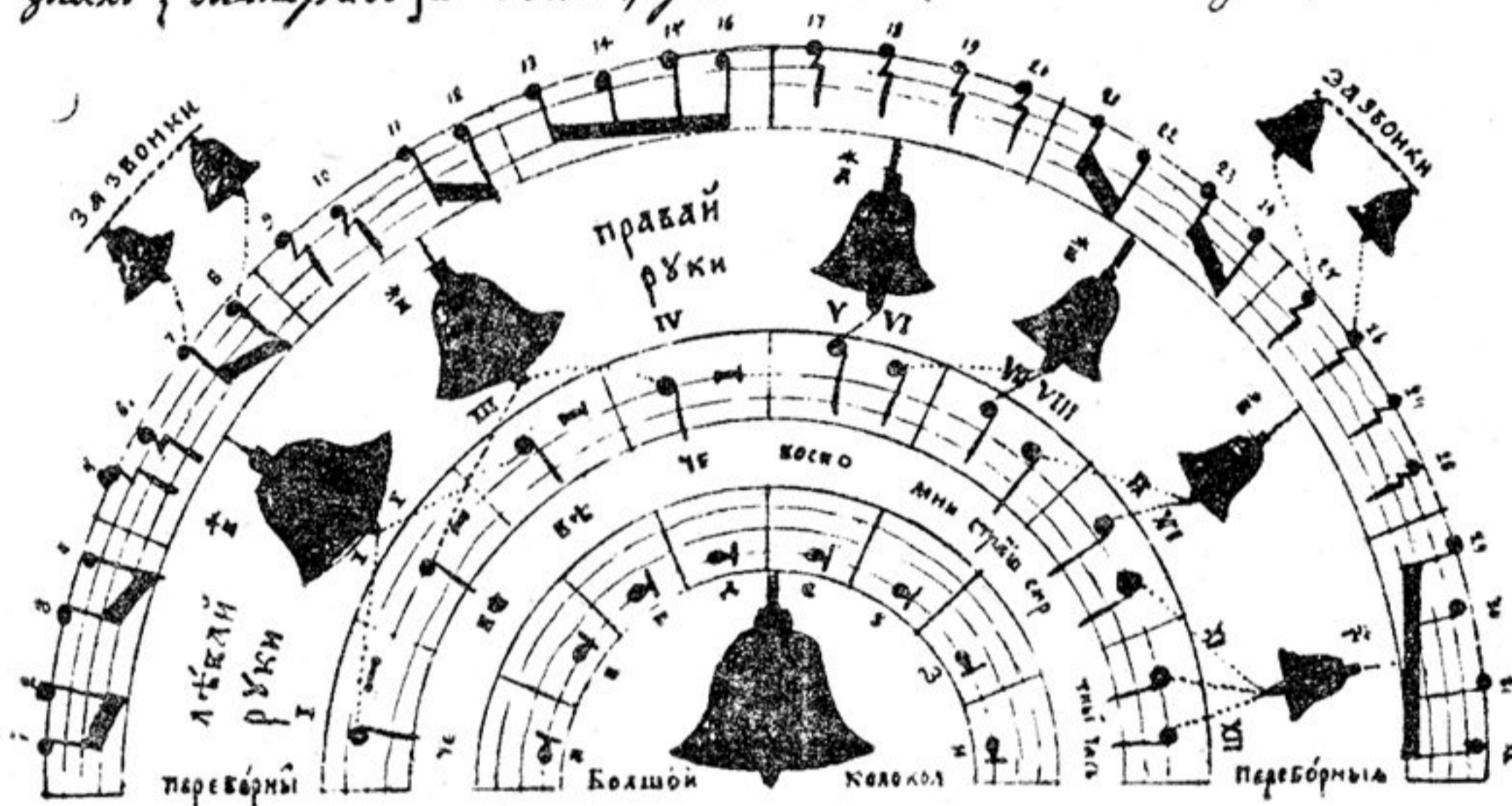
В августе 1993 г., в рукописи некоего иеромонаха Иеронима, повествующего о своих путешествиях и паломничествах, совершенных в 1841 г., мною были найдены краткое описание и нотная запись колокольного звона, сделанные им в Ростове⁸. Запись представляет собой своеобразную партитуру из трех пятилинейных нотных станов полукруглой формы, с нарисованными вдоль них колоколами разной величины (Рис. 1). Центром этой оригинальной графической композиции является большой колокол, полукружья от которого расходятся в разные стороны наподобие звуковых волн. При каждом нотном стане указано название группы колоколов, которой он соответствует («Большой», «Переборные», «Зазвонки»). Все ноты пронумерованы: у «Зазвонков» — арабскими цифрами от 1 до 32, у «Переборных» — римскими от I до XII, а у «Большого» — славянскими буквами от А [1] до И [8].

Запись, в основном, фиксирует ритм, а не звуковысотную сторону звона: ни на одной строчке Иеронимом не выставлен

Но всемогущее Божество слышит во рост: Город: Соборъ.
 въ которомъ Пѣніе - роспева Столповало. (какъ и въ Моск:
 Успен. Соборъ) Здѣсь, особенно вниманіи заслуживаетъ,
 ЗВОНЪ, свой удивительный складовъ и под. Борьми Тока,
 Колоколовъ многочисленныхъ, на уско-длихъ поватаи Колоколке.
 посредствомъ одного переборнаго колѣна - повторяемо,
 между Зазвонными, и большаго. и прот.: Единообразно. Свои
 ударенія. Котораго въ одномъ колѣне = [изъ ни-едино-обра-
 зныхъ, мажоравъ] - Звонъ, для показанія, какъ Ноты - Звонъ, Положено.

Въ 2000. нѣд.
 Въ 1000. нѣд.
 Въ 500. нѣд.
 Всего 13 нѣд.

Въ Концертъ,
 Георгіевской. П.
 Якимовской. П.
 Арсеніевской. П.

Нижній тактъ - половинный, означаетъ - удары большаго, и протъ большаго.
 Колокола, Средній тактъ - переборный, правой и левой руки, въ удареніи.
 въ 8-мъ тактѣ. а Третій - означаетъ зазвонный - переборъ, и прот.: Свѣ
 Сказывали, что мастера звонкой Колоколки, Которыя разными мажора
 удивляли слышателями присъщающаго въ гости музыкальности Колоколки

1111

Рис. I

ключ, поэтому различия в позициях нот на нотоносце следует понимать лишь условно. Расшифровка нотного текста и изложение его в соответствии с нормами современной нотографии не представляет трудностей (см. нотный пример в приложении). Не совсем ясно лишь с партией «Зазвонков», ритм которых записан ровными восьмыми, то с раздельными, то с соединенными штилями по две и по четыре ноты. Возможно, что в этом различии отражена какая-то особенность звона, но понять ее пока не удалось.

Что касается рисунков колоколов, то, по всей видимости, они имеют лишь декоративный характер и не отражают даже количественный состав набора. Так, в тексте Иероним сообщает, что нижний такт подразумевает удары не только одного «Большого», но и прочих больших колоколов, хотя изображения их отсутствуют. В рукописи нарисовано четыре «Зазвонка», однако на нотном стане их звуки записаны лишь в двух позициях: на пятой линейке и между четвертой и пятой. Наличие на рисунке не одной пары, как показано в нотном тексте, а двух пар «Зазвонков», расположенных по разным сторонам партитуры, можно объяснить лишь стремлением следовать общему принципу симметрии, свойственному данной графической композиции в целом.

Единственная группа, в которой, в основном, согласованы и нотная запись, и изобразительный ряд, это — «Переборные». Они выписаны Иеронимом наиболее тщательно: показано распределение колоколов между руками звонаря и количество ударов в каждый колокол⁹. Колокола с таким названием встречаются как в современной практике (Псково-Печерский монастырь), так и в описаниях наборов и звонов прошлого (колоколя Ивана Великого в Москве, звонни Софийского собора в Новгороде и др.)¹⁰. Обычно это — несколько средних колоколов, последовательными ударами в которые вызванивается определенная мелодико-ритмическая фигура (попевка), многократно повторяемая на протяжении всего звона. В отличие от известных таких попевок «Переборное колено», как называет его Иероним, состоит не из одной, а из двух фраз. Первая исполняется звонарем левой рукой и представляет собой удары попеременно в два крупных колокола, причем по длительности их звуки совпадают с ритмом «Большого». Вторая фраза исполняется правой рукой на четырех колоколах меньшего размера и веса. В них удары более частые (по два в такте), а в основе мелодической линии лежит нисходящее движение по тем же двухударным мотивам, что и в первой фразе, но передаваемым как бы по цепочке от одного колокола к другому.

Особенностью записи партии «Переборных» является наличие при них строки текста: «Человече вспомни страш[ный] см[е]ртный час» — фрагмента из покаянного стиха «О человеце...»¹¹. Этот внелитургический жанр духовной лирики XV—XVII вв. ко времени посещения Ростова Иеронимом давно уж вышел из употребления и мог функционировать лишь в старообрядческой среде. Тем не менее, в мело-

дическом рисунке «Переборного колена» и отдельных вариантах напева этого покаянного стиха, зафиксированного в рукописях XVII в., имеются сходные нисходящие покачивающиеся интонации¹²:

ЛЕВАЯ РУКА I II III IV ПРАВАЯ РУКА V VI VII VIII IX X XI XII

ПЕРЕБОРНЫЕ

че ло ве че воспо ни страх скр тный час

0 че-- ло-- ве-- че--

во...спо... ни...на...и... ске...рты...и ча...со...

Нотный пример 1

По-видимому, в то время, когда Иероним делал свою запись, текст, а возможно, и часть напева покаянного стиха могли использоваться звонарями для мнемонического запоминания и передачи друг другу ритмо-интонационного контура «Переборного колена», наподобие известных звонарских приговорок позднейшего времени. Не исключено также, что в прошлые столетия покаянные стихи могли быть музыкальными моделями для звонов ростовской соборной звонницы.

Колокольный набор, зафиксированный в сочинении Иеронима, в основном аналогичен тому, который описал позднее А. А. Израилев. К сожалению, автор рукописи, сообщив, что всего имелось 13 колоколов, не дал их названий¹³. Им указан только вес трех самых больших — 2000, 1000 и 500 пудов, то есть — Сыся, Полиелея и Лебеда. Другие два крупных колокола (Голодарь и Баран), очевидно, тоже присутствовали на звоннице, так как первый был отлит в 1807 г., а второй — еще в XVII в., в 1654 г., то есть задолго до путешествия Иеронима в Ростов.

Что касается средних и малых колоколов, то по описаниям Иеронима и Израилева среди них возможно установить ко-

личественное и качественное соответствие лишь на уровне групп в целом¹⁴. Как выяснилось из нотной записи, на звоннице имелось 2 «Зазвонка» и 6 «Переборных». Первые в том же количестве и почти с тем же названием (Зазвонные) зафиксированы Израилевым. Немного сложнее дело обстоит с «Переборными», которые в книге Израилева не упоминаются. Однако в записях звонов Ионинского и Акимовского в функции «Переборных» выступают четыре Безымянных, игра на которых представляет собой самый настоящий перебор. В том же пролете, где и Безымянные, находятся и более тяжелые колокола: Козел (20 п.) и Красный (30 п.). По сведениям Израилева, этими шестью колоколами вместе с Лебедем управлял один звонарь, и распределялись они между его руками так же, как указано в записи Иеронима¹⁵. Вероятно, они и были зафиксированы им под названием «Переборные», так как звучали не одновременно, а последовательно. Соотношение данных Иеронима и Израилева показано в следующей таблице:

ИЕРОНИМ (1841 г.)			ИЗРАИЛЕВ (1884 г.)		
Название групп	Вес	№	Название колокола	Год отливки	Вес
«ЗАЗВОНКИ»		13	ЗАЗВОННЫЕ		
		12			
«ПЕРЕБОРНЫЕ»		11	БЕЗЫМЯННЫЕ		
		10			
		9			
		8			
		7			
БОЛЬШИЕ	500 п. 1000 п. 2000 п.	6	Козел	1654 1807 1682 1682 1688	20 п.
			Красный		30 п.
		5	Баран		80 п.
		4	Голодарь		158 п.
		3	Лебедь		500 п.
		2	Полиелей		1000 п.
		1	Сысой		2000 п.

Примечание. В таблице даны сведения не о новом колоколе Голодарь, отлитом в 1857 г., а об одном из старых, находившемся на звоннице во время путешествия Иеронима. (См. Израилев А. А. Ростовские колокола и звоны. С. 8).

Говоря о самом звоне в записи Иеронима, следует заметить, что, несомненно, им зафиксирован фрагмент какого-то

праздничного звона, так как задействован весь колокольный набор. Автор рукописи не дал ему никакого названия, хотя перечислил звоны, или, как он выражается, «концерты», исполнявшиеся в то время в Ростове: «Георгиевский», «Акимовский» и не известный до сих пор «Арсениевский», ничего не упомянув об Ионинском. К сожалению, из текста не ясно, что такое «Арсениевский концерт», и как он соотносится с другими звонами. Можно лишь предполагать, что его название, как и у других, было связано с именем одного из ростовских архиереев¹⁶.

При сравнении описаний и партитур Ионинского, Акимовского и Егорьевского звонов, сделанных Израилевым, с записью Иеронима, выясняется ряд существенных отличий. Так, в ИОНИНСКОМ: колокола Баран и Голодарь, Безымянные и Красный звучат не вместе, а поочередно (Козел из-за повреждения не использовался). Относительно ударов больших колоколов более сдержанная ритмическая пульсация Зазвонных, записанных не восьмыми, как у Иеронима, а четвертями;

в АКИМОВСКОМ: к тем же отличиям в записи Барана, Голодаря и Красного, как и в Ионинском звоне, в партии Безымянных прибавляется использование так называемой «пересечки», предполагающей ритмическое дробление¹⁷. Зазвонные записаны в том же ритме, как и у Иеронима;

в ЕГОРЬЕВСКОМ: имеется сходство лишь в одновременном звучании всех пяти больших колоколов.

Итак, различие между звонами, записанными Израилевым, и звоном Иеронима, в первую очередь касается порядка использования колоколов. При этом наиболее близким к тому, который зафиксирован в рукописи, является Ионинский, благодаря своему равномерному строгому ритму и господству в фактуре линейно-мелодического принципа. Если сравнивать различия на уровне групп колоколов, то следует сказать, что наиболее существенно за сорок лет, отделяющих запись Иеронима от записи Израилева, изменилась партия «Переборных». Здесь произошел своего рода синтез горизонтали в вертикаль, когда две фразы, исполняемые колоколами последовательно, зазвучали одновременно. «Гармонизация» этой группы колоколов оттесняет на второй план их мелодическую (линейную) природу, имеющую, по-видимому, глубокие корни в древних звонах. Есть основания полагать, что последние строились не по типу современного трезвона, а использовался преимущественно перебор — последовательные удары во все

или несколько колоколов. Это более всего отвечает музыкальному стилю того времени, способу игры и акустической природе русского колокола¹⁸. Иногда такие звоны могли быть мелодически и ритмически подобны отдельным фразам и даже целым фрагментам бытовавших в то время литургических и внелитургических песнопений, интонации которых сохранялись и в более поздних колокольных композициях. Об этом сообщается некоторыми авторами, как о старинных преданиях: «... было время, когда у нас в некоторых церквях звонили по «нотам» (выражение звонарей), например, «Господи помилуй!» «Святой Боже...» и проч., об этом говорят изустные предания стариков-старожилов»¹⁹. «С восхищением передают, что некогда был устроен особенный звон, нарочито подобраны были колокола, так, что можно было производить звон по нотам, выражавшим некоторое церковное песнопение»²⁰.

Аналогичный случай, как выяснилось, был зафиксирован Иеронимом и в Ростове: партия «Переборных» сохранила явные интонационные признаки покаянного стиха, и к тому же с его подтекстовкой. Использование в качестве носителей мелодического начала именно этой группы колоколов не случайно: на средних колоколах особенно фиксируется слушательское внимание, так как они часто выступают в качестве ведущего и характерного элемента музыкальной фактуры колокольных композиций²¹. О них же, обобщая свой многолетний опыт изучения русских звонов, писал выдающийся этномузыковед XX в. Е. В. Гиппиус: «Средний ряд ... был чаще всего мелодическим, в нем звучала короткая попевка, для данного <трезвона> характерная»²².

По-видимому, звонные попевки, родственные отдельным мелодическим образцам, в первую очередь были связаны с центрами церковно-певческого искусства: лаврами, монастырями, соборами, в которых переписывались и сочинялись новые произведения. Ориентация в колокольных звонах на письменные музыкальные образцы, вероятно, хорошо осознавалась исполнителями и слушателями, поэтому появление выражений типа «звон по нотам», «нотный звон» вполне закономерно. В Ростове, судя по рукописи Иеронима, также имела место ориентация в колокольном искусстве на интонации, напоминающие известные в прошлом песнопения. К тому же существовала устойчивая жанровая система, выражавшаяся в воспроизведении определенных композиций, именовавшихся «настройками», «концертами» и пр. Не исклю-

чено, что в них первоначально заложены какие-то принципы звуковой организации, например, попевочная структура, лад, ритм, общие с древнерусским церковным пением, и утраченные или переосмысленные позднее. Выявление их было бы крайне важно для понимания художественного замысла уникального мелодико-гармонического подбора ростовских колоколов, феномен которого привлекал и сейчас привлекает исследователей²³.

Запись Иеронима безусловно доказывает, что колокольная Ростовского Успенского собора обладала «музыкальным звоном», но не дает определенного ответа на вопрос о существовании «нотного звона». Практика специальной графической фиксации колокольных композиций, о чем сообщалось в ряде упомянутых источников, ни рукописью Иеронима, ни другими выявленными к настоящему времени материалами не подтверждается²⁴. Из всех известных свидетельств о «писанных нотах» для звона, пожалуй, самым загадочным и увлекательным является воспоминание В. В. Стасова, опубликованное в книге С. Г. Рыбакова: «По поводу записывания колокольного звона на ноты считаю полезным привести следующее сообщение В. В. Стасова:

Лет 35—40 тому назад он видел у известного собирателя русских древностей доктора медицины Сахарова в Публичной Библиотеке в Петербурге, в одной из его таблиц, в *facsimile*, старинное изображение (посредством особых знаков) церковного звона; это любопытный опыт записывания в древней Руси на бумагу самой музыки колокольного звона, с тех пор В. В. Стасов не встречал этой записи, но уверен, что она хранится где-то в Публичной библиотеке и что кто-нибудь найдет ее; если бы сверх ожидания не оказалось ее в собраниях Сахарова, то может быть, найдется в собраниях какого-нибудь другого археолога, состоявшего и занимавшегося в Императорской Публичной Библиотеке»²⁵.

К сожалению, среди рукописей И. П. Сахарова (1807—1863) найти что-либо наподобие той таблицы, которую видел у него В. В. Стасов, пока не удалось²⁶. Выяснилось только, что в 1851 г., будучи одним из активных членов Русского археологического общества и работая со своими коллегами над составлением свода древнерусских памятников, Сахаров включил ряд вопросов о колоколах в подготовленную им анонимно изданную «Записку для обозрения русских древностей»²⁷. Среди этих вопросов есть и такой: «Не производится ли особенного звона по нотам?», и далее в сноске поясняется,

что на колокольне Ростовского Успенского собора звонили по нотам, на три настроя: на Ионинский, Акимовский и Дашковский²⁸.

Русский колокольный звон в современной науке справедливо относят к разновидности бесписьменного музыкального искусства, однако полностью отрицать возможность их записи в прошлом нельзя. Несомненно лишь то, что если сведения о ней не ошибка, а действительный факт, то такие случаи не носили систематического характера. Тайна «нотного звона» остается пока нераскрытой, как не раскрыт еще в полной мере музыкальный и акустический феномен подбора ростовских колоколов. Возможно, что с находкой какого-нибудь нового исторического источника, наподобие записи Иеронима, удастся глубже понять природу русских колокольных звонов и найти ответы на многие вопросы.

¹ Шипов Н. Н. История моей жизни: Рассказ бывшего крепостного Н. Н. Шипова // Русская старина. 1881. Т. 31 (май). С. 140.

² Толстой М. Древние святыни Ростова Великого. М., 1847. С. 31.

³ Толстой М. Древние святыни Ростова Великого. М., 1860. С. 43.

⁴ Толстой М. Святыни и древности Ростова Великого. М., 1866. С. 27. Отмечу, что если в первом и третьем изданиях в аннотациях к главе, из которой процитированы отрывки, сказано: «Колокольня с музыкальным звоном», то во втором — «Колокольня с нотным звоном».

⁵ Протокол заседания отделения Русской и Славянской археологии Императорского Русского археологического общества 25-го октября 1877 года // ИИМК. Ф. 3. № 409. Л. 15 об.—16. Вероятно, этот запрос и побудил Петра Васильевича Хлебникова обратиться к А. А. Израилеву с просьбой изготовить камертоны, соответствующие по звучанию колоколам соборной звонницы, а тот в свою очередь, отказавшись поначалу от этого предложения, занялся изучением музыкальной специфики ростовских звонов (РНБ. Ф. 738. № 153. Л. 3—3 об.).

⁶ Титов А. А. Ростов Великий. М., 1883. С. 33.

⁷ Израилев А. А. Ростовские колокола и звоны. СПб., 1884. С. III—VI.

⁸ Иероним. Памятник путешествия 1841 г. // РГБ. Ф. 218. (Собрание единичных поступлений). № 925.1. Л. 17. Автограф 3-й четв. XIX в.; 35,3×22,0 см, без переплета, в сброшюрованных тетрадях, 164 л. Иероним (Суханов Иван Иванович) родился 23 сентября 1807 г. в Торжке. Будучи иеромонахом Дмитровского Николо-Песношского монастыря, совершил несколько путешествий по городам России и Украины. В конце жизни принял схиму с именем Иоанна. Владел многими ремеслами и искусствами (архитектура, музыка, иконопись и др.). (Указ. рук. Л. 40 об., 163, а также: Воспоминания и дневники XVIII—XIX вв. М., 1976. С. 170).

⁹ В рукописи количество ударов показано над рисунком соответствующей буквой с выносным «ж»: а^ж [однажды], в^ж [дважды], г^ж [трижды].

¹⁰ Никаноров А. Б. Псково-Новгородская традиция колокольных звонов // Искусство колокольного звона: Материалы к курсу по специальности. № 21.03. М., 1990. С. 223—235; Мартынов А. Московские колокола // Русский архив. 1896. № 1. С. 105; Семенов А. И. О колоколах Софийской звонницы в Новгороде // Архив Новгородской реставрационной мастерской. Р—745.

¹¹ См.: Ранняя русская лирика. Репертурный справочник музыкально-поэтических текстов XV—XVII веков / Сост.: Л. А. Петрова, Н. С. Серегина. Л., 1988. С. 283—284. Покаянные стихи — жанр древнерусской духовной лирики нелитургического типа. В сборниках XV—XVII вв. они фиксировались при помощи знаменной нотации и таким принадлежали письменной традиции. Со второй половины XVII в. покаянные стихи функционировали преимущественно в фольклорных формах и сохранялись, в основном, среди старообрядцев. (Келдыш Ю. В. История русской музыки: Т. 1. М., 1983. С. 224—225).

¹² Пример взят из издания: Ранняя русская лирика... С. 342—343. Производилась также сверка по рукописям РНБ. Ф. 775. (Собрание А. А. Титова). № 637. Л. 84—85 об. и БРАН. Друж. 199. Л. 38 об.—39. Благодарю кандидата филологических наук М. А. Момину и музыковедов-медиевистов Ф. В. Панченко, А. М. Ратькову, доктора искусствоведения Н. С. Серегину за консультации по данному вопросу.

¹³ Замечу, что в первом издании книги М. В. Толстого «Древние святыни Ростова Великого», напечатанной через шесть лет после путешествия Иеронима, названия колоколов также отсутствуют. Они упоминаются лишь в изданиях 1860 и 1866 гг.

¹⁴ Эти колокола без надписей, обозначения года, веса или каких-либо других индивидуальных признаков, по которым можно сопоставить каждый в отдельности. Не исключено, что наборы Иеронима и Израилева, совпадая по количеству, не были полностью идентичны. За сорок лет колокола могли замещаться другими при сохранении их общего количества, весового соотношения и места на звоннице. Напомню в связи с этим цитированный выше ответ Хлебникова на вопрос Стасова в 1861 г., где сообщается о замене нескольких небольших разбившихся колоколов часовыми.

¹⁵ Израилев А. А. Указ. соч. С. 18. Колокол Козел в нотах Израилева не обозначен, так как к тому времени он был поврежден и в звонах уже не использовался. (Там же. С. 11, 18).

¹⁶ В истории Ростовской епархии в послеионинский период известны два Арсения: Арсений Мацеевич (1742—1763) и Арсений Верещагин (1783—1799). (Строев П. Список иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. С. 334). Какой из них подразумевался в связи с этим «концертом», сказать точно пока нельзя.

¹⁷ Израилев А. А. Указ. соч. С. 20.

¹⁸ Об этом подробнее см.: Никаноров А. Б. Некоторые особенности псковских звонниц как древних архитектурно-музыкальных инструментов // Выбор и сочетание: Открытая форма. Сборник статей к 75-летию Ю. Г. Кона. Петрозаводск. СПб., 1995. С. 141—145.

¹⁹ Н. Р. О колоколах и о колокольном искусстве // Московские ведомости. 1850. № 50. С. 580.

²⁰ Алексеева А. Краткое описание Новгородского Юрьева монастыря. Новгород, 1875. С. 12.

²¹ Так, например, С. В. Рахманинов вспоминал, что с детства запомнил мотив, звучавший на четырех средних (переборных) колоколах Новгородской Софийской звонницы, впоследствии использованный им в III части

фантазии для двух фортепиано. (Bertensson S., Leyda J. S. Rachmaninoff. New York, 1956. P. 184—185).

²² Гиппиус Е. В. Ростовские колокольные звоны // Музыкальная жизнь. 1966. № 18. С. 17.

²³ Помимо указанных ранее работ А. А. Израилева и Е. В. Гиппиуса, о наборе колоколов ростовского Успенского собора имеется еще ряд музыкально-акустических исследований, написанных, в основном, в последние годы: Белявский А. Г. Теория звука в приложении к музыке. М.-Л., 1925. С. 224; Смирнов Д., Мальцев С. А. Колокола и колокольные звоны Ростова Великого // Искусство колокольного звона: Материалы к курсу по специальности № 21.03. М., 1990. С. 177—220; Иванов-Ростовцев А. Г., Колотило Л. Г. Гармония акустических спектров ростовских колоколов (приложение модели D-SELF) // Доклады Академии наук СССР. 1991. Т. 319, № 5. С. 1132—1134; Зинченко В. И., Антомошкин А. Ю., Никаноров А. Б. Паспортизация колоколов по акустическим характеристикам // Соборная звонница Ростова Великого, СРМ. Вып. IV. Ростов, 1993. С. 111—123; Мальцев С. А. Музыкально-акустические свойства колоколов и звонов // Там же. С. 81—110; Zinchenko V., Antomoshkin A., Nikanorov A. Acoustical characteristics of bells // NOISE-93: International noise and vibration control conference. St. Petersburg, Russia. PROCEEDINGS. V. 3. St. Petersburg, 1993. P. 181—183.

²⁴ Гипотеза о том, что «особые ноты» ростовского звона, о которых писал М. Толстой, Иероним скопировал в свою рукопись или хотя бы ориентировался на них, не имеет основания.

²⁵ Рыбаков С. Г. Церковный звон в России. СПб., 1896. С. 69.

²⁶ В настоящее время материалы И. П. Сахарова рассредоточены по разным рукописным хранилищам. Фонды, содержащие его материалы, хранятся в РНБ, в архиве СПб филиала ИРИ, Пушкинском доме, РГБ, ГИМ и др.

²⁷ Записка для обозрения русских древностей. СПб., 1851. Авторство И. П. Сахарова устанавливается по материалам Русского археологического общества (ИИМК. Ф. 3. № 407. Л. 13 об.—17, 71 об.; № 606. Частично опубликованы в издании: «Записки отделения русской и славянской археологии Императорского археологического общества», Т. 1. СПб., 1851), и списку трудов ученого, составленному его племянником С. Сахаровым. (РНБ. Ф. 874. Оп. 2. № 269. Перечень сочинений и изданий И. П. Сахарова, напечатанных 1830 г. Л. 5).

²⁸ Записка ... С. 34, пункт 43 «Колокола».

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИЗ РУКОПИСИ ИЕРОМОНАХА ИЕРОНИМА О ПУТЕШЕСТВИИ В РОСТОВ В 1841 г.

«По отслушании малой вечерни, послучаю царского Дня и всеношной и по поклонении Сим Мощам святым, между Бдением, я успел посетить обитель варницкою Тронцкую. Не известно кем и когда построена, при соляных бывших варницах, в память по преданию якобы на том месте Явился Ангел Божий в виде инока в юности, Преподобному Сергию Чудотворцу».

По возвращении от туда 3 версты в город поклонился мощам опочивающим под спудом в приходской церкви у земляно[го] вала. Святом[у] Исидору, Христа ради юродивому, рост[овскому] которой, родом из Германии. Странствующий — но в России, принял =Православие= и жил в Ростове во юродстве — и скончался, 1474 года, 14 мая: о мощах Васл[илия] ниже:¹ Посетил и Рождественский Девич[ий] монастырь. Между домов обыват, основанный, в 1395 году, А[рхиепископом] Феод[ором] рост[овским]. Но всенощное бдение слушал в рост[овском] город[ском] СОБОРЕ, в котором пение роспева столповаго (как и в моск[овском] Успен[ском] собор[е]). Здесь, особенного внимания заслуживает ЗВОН, своим удивительным складом и подбором тона, колоколов мно[го]численных, на узко-длинноватой² колокол[ь]не. Посредством одного переборного колена повторяемого, между зазвонными, и большого с проч[и]м[и] единообразного [в] своем ударении³, которого в одном колене (из неединообразных манеров) звон, для понятия, на ноты здесь, полагаю⁴.

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32

ЗАЗВОНКИ

ЛЕВАЯ РУКИ I II III IV ПРАВАЯ РУКИ V VI VII VIII IX X XI XII

ПЕРЕБОРНЫЕ

че ло ве че воспо ни страм сир тный час

БОЛЬШОЙ КОЛОКОЛ

а в г д е с з и

[НОТНЫЙ ПРИМЕР 2]

Нижний такт — половинный, означает удары Большого, и проч[и]х Больших колоколов. Средний такт — переборных, правой и левой руки, 12 ударений в 8-м перв[ы]х, а Третий — означает зазвонные — перебой, и проч. еще сказывали, что мастера звонарей померли, которых разными монерам удивляли слушателей приезжающих в Ростов, музыкальностью колоколов».

¹ На полях: «(зри)».

² На полях: «а й 2000 пуд. в й 1000 пуд. г й 500 пуд. всех 13 ть».

³ В рукописи: «ударения».

⁴ На полях: «а концерт, георгиевский. в акимовский г, арсениевский».